

Прокопьева Н.
(Россия)

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ЭНЕРГИИ В ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (РУССКИХ)

В традиционном обществе одним из показателей принадлежности человека к определенному социальному статусу, возрастной группе является одежда, ее компоненты, детали. Одежда давалась человеку при его *рождении* и сопровождала его в *иной мир*. В период всей жизни человека одежда, и как его отличительный признак, и как показатель перемены статусов ее носителя, изменялась под влиянием внутренних причин: состав компонентов, цветовая гамма, покрой – отражали изменение социовозрастного статуса. Здесь костюм выступает как маркер определенного положения человека в данный период его жизни.

Первой одеждой новорожденного ребенка служила рубаха отца или матери, подчеркивая социокультурную связь между вновь пришедшим в этот мир и живущими. Этому может свидетельствовать то, что рубаха, в которую принимали ребенка, должна быть не новой¹. При этом одежду, ношенную родителями, видимо, можно рассматривать и как символическую защиту ребенка, который еще не приобрел достаточной прочности противостоять внешним воздействиям, поэтому детям до пяти–семи лет часто перешивали одежду из родительской или из одежды старших братьев и сестер: «дети до 12 лет бегают в одних рубахах, обоего пола, вместе ходят в баню, одежду носят старую, часто изорванную, и так до достижения половой зрелости»². Вообще во все новое, по представлениям крестьян, одеваться не следовало – «злые люди»

могут испортить»³, собственная рубаха первый раз давалась младенцу при крещении, на сороковой день, обычно крестной матерью ребенка, обязательно подпоясывалась⁴. По мере роста детей, обретения ими жизненных сил, достижения возраста, когда считалось, что ребенок достаточно сформировался, в одежде накапливалось количество компонентов, знаковых символов, подчеркивавших возраст носителя. В это время можно отметить размытость половых различий как в отношениях к самим детям (девочки и мальчики одинаково находятся под присмотром матери, бабки, не имея особых трудовых обязанностей), так и в одежде: рубашка с пояском. Знаком достижения мальчиками подросткового возраста служило наличие в их костюме штанов, а у девочек, продолжавших носить рубаху с пояском, увеличивалось количество украшений – ниток бус и серьги: «Девушки начинают носить «пацерки», когда становятся невестами и продолжают носить <...> до поры *старческих подступов*»⁵, только в праздничные дни их костюм мог дополняться юбкой или сарафаном. Как и другие символы, одежда служит в этом возрасте знаком того, что дети уже осознают свою половую принадлежность⁶. По мере взросления, одежда становилась все более яркой, увеличивалось количество вышивки на рубахах, достигая максимального – к периоду, когда девушки становились невестами, а парни –

© Прокопьева Н., 1999.

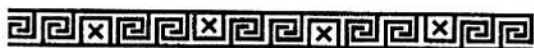
женихами. В этот возрастной период молодежи не только можно, но и нужно было иметь обязательно новую одежду, сшитую специально для них. Нарядов, как у девушек, так и у парней должно быть большое количество. «Франтовство» было отличительной чертой молодежной возрастной группы⁷.

Наиболее яркую, с максимально возможным количеством компонентов исследователи отмечают одежду мужчин и женщин, достигших расцвета, находящихся «в поре» – молодые женатые люди, имеющие способность воспроизводить потомство, как основной показатель жизненных сил. У женщин, находящихся в фертильном периоде, орнаментировались практически все компоненты костюма, в большей степени – головной убор и поясная одежда, которые являлись главным признаком социовозрастной принадлежности женщины⁸.

Следуя за мнением исследователей теории ритуала, что несколько раз в жизни русскому крестьянину приходилось переживать состояние перехода из одного социовозрастного статуса в другой, завершавшееся соответствующими ритуалами, и, как следствие – оформляющееся изменением одежды, как внешним проявлением внутреннего. Так, например, на свадьбе невеста несколько раз могла переодеваться, особенно на утро после первой брачной ночи. С одной стороны это рассматривалось как показатель ее трудолюбия, благосостояния, а на глубинном семантическом уровне – изменение статуса, а именно – стала молодухой; так же как и известный «обряд совершеннолетия девиц», оформляющийся надеванием юбки или сарафана. Известно описание обряда (Орловская губ и у), когда девушка объявляла о нежелании никогда не вступать в брак, т.е. объявляла себя «черничкой», раздавала все девичьи наряды, особенно красного цвета; на стол в доме ставили ковригу хлеба с солонкой,

прощались с девушкой «как с покойником, с плачем и с причитаниями»⁹. Как следует из описания, перемена статуса связывается непосредственно с изменениями в одежде, внимание акцентируется на внешних атрибутах: старушечьем платье, прическе. Изменение статуса происходит не только для непосредственных объектов ритуала, и для ближайшего окружения соответственно, гипотетически предполагая наличие такого переходного периода из зрелого возраста в старый, находим его зрительное выражение в изменении одежды, которое происходило постепенно, как бы растянуто во времени.

Анализируя состав, покрой, цветовую гамму одежды стариков, обращаем внимание в первую очередь на ее «немодность», которую отмечали исследователи русской традиционной культуры и в середине, и в конце прошлого века, а так же и в нашем столетии: «Пожилые крестьяне и крестьянки моды не признают, ходят в такой одежде, которая была модною, когда они были молодыми парнями и девушками»¹⁰; «Старое поколение еще почти повсеместно донашивает старинный наряд, который постепенно сменяется новым, городских фасонов»¹¹. Отметим, что термин «донашивание» относится только к типу покроя одежды. Именно покроем является динамичным, развивается линейно во времени, в то время как цветовая знаковая функция одежды остается статичной в рамках традиции, относительно определенных социовозрастных групп, так же как и компоненты, которые несут на себе социовозрастный знак. Получая навык конструирования компонентов одежды в молодости, женщины продолжали воспроизводить их в рамках одного поколения, «донашивая» таким образом, и в старости. Можно сказать, что покроем в костюме носит индивидуальный характер, в то время как цвет и знаковые дополнения на

уровне их расположения требуют неукоснительного исполнения в рамках обычая, нормах традиционного мировоззрения.

Таким образом, для периода «старости» наиболее важными представляются не конструктивные особенности одежды, а ее «комплектность» и цветовая символика:

«Старухи носят простые толстого сукна сарафаны, отделанные только узенькой красной тесемочкой из простой шерсти – «поясочком», повязываются черным платком и надевают лапти»¹²;

«Старики ходят в пестряди *синего* цвета, молодежь – из ситца, сатина»¹³; «Старики вспоминают, что деды носили белые балахоны до колена из рядного холста, как летнюю верхнюю одежду. Старухи носили ферязи. Ферязи шились из крашенины или китайки, *синего цвета* – косоклиный сарафан с позументом) молодые в 70-х годах прошлого столетия перестали шить ферязи. Старухи их донашивали, конечно дольше»¹⁴.

«Старух часто можно встретить, особенно дома в *одних нижних рубахах*»¹⁵;

«С возрастом количество украшений на рубахах уменьшается, и старухи, которые *кроме рубахи* и прежде тоже ничего не надевали, разве у плеча где-нибудь пропустят розовую натканку. Зато по покрою старушечьи рубахи часто сохраняют архаические черты, давно исчезнувшие у молодежи»¹⁶;

«Сарафан у молодых бывает синий с узорами, а у старух совсем *синий* <...> Одежда пожилых женщин и старух – ситцевое платье самого простого покроя и сарафан с прямой широкой кофтой, летняя поддевка – *как у стариков*.

Все вышеприведенные примеры указывают на то, что одежда стариков отличается от одежды молодых как по цвету, так и по составу. Не нами замечено, что в верхней одежде стариков преобладают темные тона – от синего до черного, а в

нательной – белый цвет, вышивка красным – тонкой полоской по подолу рубахи или передника. Значительное уменьшение орнаментации сопровождается изменениями в крое: одежда приобретает мягкость, удобство для ее носителя, становится более бесформенной; а на примере верхней одежды – утрачивает признаки пола (то же наблюдаем и у маленьких детей). В этом смысле очень показательны штаны старика из Полтавской губ., хранящиеся в мягких фондах РЭМ, они сшиты из изношенной плахтенной ткани, то есть ткани из которой шилась обычно поясная одежда женщин. Обувь стариков также стремиться к удобству: «Уже не хочется одеваться как молодые. Одежду хочется посвободнее, платье подлиннее, обувь такую, чтобы ни где не поджимало – тапочки люблю. К старости мерзеньше сильнее, хочется одеться потеплее»¹⁷. Широко распространено народное мнение, что в старости «кровь не греет», «остывает», поэтому пожилые люди стараются одеться потеплее: «Кровь содержит в себе сильный жар, от того человек и может выносить всякий холод, его греет кровь, но к старости этот жар уменьшается, как в печке погасают уголья, так и старые люди должны одеваться гораздо теплее молодых, «кровь их не греет»¹⁸. «Остывание», охлаждение связывается напрямую с физическим старением, с утратой сил и жизненной энергии. Н.Е.Мазалова так же отмечала, что жизненная сила обозначается словом *жар* у слобожан на р. Вашка, это понятие связано с представлением о жизненной силе, которая, в свою очередь, в различных ритуалах, например обряде венчания, кодируется через посредство огня: чья свеча раньше сгорит, тот раньше и умрет¹⁹; «огонь угас» – говорили, если умер один из супругов²⁰. Уменьшение, истрачивание жизненных сил, огня отражается в цветовом сочетании одежды стариков, в которой, повторимся, преобладают «холодные»: черный, синий, белый

тона, в отличии от одежды молодых, в которой предпочтение отдается ярким, сочным тонам: красному, зеленому. Черный символизирует отсутствие *цвета-света*, он тождественен мраку, пустоте – физической и душевной (ср.: про старых, долго живущих, говорят, «когда же ты истратишься»²¹ (опустеешь?)), так же как и синий: «Синий в символических цветовых классификациях, как правило входит в отрицательный ряд. <...> С «синим», по видимому, связывались прямо или косвенно такие понятия, как «холод», «север», «окочение» и «смерть»²². Наиболее полно представление об отсутствии света-цвета проявляется в погребальной одежде старых людей, где белый цвет, или лучше сказать полное отсутствие цвета, доминирует: одежда покойного – «белая коленкоровая рубаха, черные казинетовые штаны, самодельные туфли и белые шерстяные чулки, сверху покойный покрывается льняным холстом»; – из белой хлопчатобумажной ткани, иногда холста; «на смерть» старики и старухи готовят ... белую приличную одежду; «старуху обязательно наряжают в белую сорочку, в белую намитку – в «завиття»²³, эти примеры можно увеличить при желании. Л.Н.Миронова в своем исследовании о семантике цвета отмечала, что «белый [цвет] неразделим с идеей абсолютного покоя, холода и пустоты, эквивалент которым – смерть»²⁴ (ср.: «если больной увидит себя венчающимся в белой одежде,

то он умрет»²⁵). Кроме того исследовательница заметила, что цвет, употребляемый в мифологическом значении, не символизирует что-либо, а является чем-либо, так же как и белые одежды, которые, кроме того, означают и воплощают чистоту²⁶. К слову сказать, носители этого цвета – старики, по мнению крестьян, и в символическом, и в утилитарном смысле виделись «чистыми»: «старики очень редко купаются, старухи тоже и все говорят: «что старым людям купаться, они так чисты, это надо молодым под всякий праздник купаться, а мы, что девочки маленькие чисты, то и мы, старички, помыть голову, да ноги, вот и ладно»²⁷. Физическая и нравственная чистота часто по представлениям крестьян находилась в одной связке, обозначая у молодых девственность, а у пожилых – отсутствие половых сношений, а по сему, отмечалось, что: «пожилые предпочитают цвета темные, как признак скромности»²⁸.

Таким образом, признаками «утрачивания» жизненных сил в одежде можно назвать следующие характеристики: бесформенность одежды, мягкость, удобство, изношенность; «некомплектность», то есть возможное отсутствие компонентов, которые в предыдущем возрастной группе носить необходимо, как, например, передник у старух; и главное – колористическое оформление, в котором преобладают темные цвета и белый.

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1371. Л. 27. Пенз.; Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – Т. I. – Ч. I. – СПб., 1887. – С. 16.

² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 273. Л. 1. Вологодская. Кадниковский.

³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1374. Л. 55-56. Пенз.

⁴ Иванов П. Этнографические материалы, собранные в Купянском у., Харьковской губ. // ЭО. – 1897. – № 1. – С. 37.

⁵ Никифоровский Н. Очерки простонародного жития-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. – Витебск, 1895. – С. 133.

⁶ Байбури А. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991. – С. 262.

⁷ Лебедева Н. Одежда // Ганцкая О., Лебедева Н. Чижикова Л. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во II пол. XIX и в нач. XX вв.) // Материалы и

исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М., 1960. – С. 61.

⁸ См.: *Гринкова Н.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту // СЭ. – 1936. – № 2; *Маслова Г.* Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М., 1984.

⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1114. Л. 40-41. Орл. губ. и уезд.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 846. Л. 11. Новгород. Череповецкий.

¹¹ *Едемский М.* Этнологические наблюдения в Пинежском крае, Архангельской губернии в 1921 г. // Север. – Вып. 3-4. – Вологда, 1923. – С. 203; *Лебедева Н.* Указ. соч. – С. 45. Пск.

¹² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 631. Л. 62. Калуж., Оболянский.

¹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 599. Л. 24. Костромск. Галичский.

¹⁴ *Гринкова Н.П.* Одежда «тудовлян» Ржевского уезда: (Из материалов Верхневолжской этнографической экспедиции РАИМК) // Этнография. – 1926. – Вып. I-II. – С. 85. (Псковская губ., Холмский у.; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива ИРГО. – Вып. III. – Пг., 1916. – С. 1136. Синие сарафаны – Владимирская губ, там же: Вып. I. – Пг., 1914. – С. 153; Вологодская губ, Кадниковский у. – С. 211, Костромская, Кинешемский у. там же: Вып. II. – С. 646. Синие поневы – Рязанская губ, там же: Вып. III. – С. 1180; Пск. – *Лебедева Н.И.* Одежда ... – С. 55).

¹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 612. Л. 25 об. Костромск. Сольвычегодский.

¹⁶ *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры. – Ч. I. – Вып. 3. – М., 1926. – С. 27.

¹⁷ Ф. 10. Опись 1. Дело 92. Л. 14. Псковская обл., Невельский р-н. Эксп. 1997 г.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1178. Л. 23. Орл. губ. и у.

¹⁹ *Мазалова Н.* Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север. – СПб., 1995. – С. 64.

²⁰ Фразеологический словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 125.

²¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 547. Л. 41. Калужская губ.

²² Социальная педагогика. – Свердловск, 1989. – С. 45. Цит. по: *Несанелис Д.А., Шаранов В.Э.* Тема смерти в детских играх: опыт этносомиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми) // Смерть как феномен культуры. – Сыктывкар, 1994. – С. 129.

²³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1291. Л. 21. Пенз., Городищенский; *Маслова Г.* Одежда сельского и заводского населения // Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья XIX – нач. XX века: Сб. ТИЭ. – Т. 57. – М., 1960. – С. 103; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 441. Л. 4. Вятская, Сарапульский; *Чубинский П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. – Т. 4. – СПб., 1877. – С. 702.

²⁴ *Миронова Л.* Семантика цвета в эволюции психологии человека // Проблема цвета в психологии. – М., 1993. – С. 174.

²⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 25. Владимирская губ.

²⁶ *Миронова Л.* Семантика цвета ... – С. 173-174.

²⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1165. Л. 19. Орл. губ. и у.

²⁸ *Зобнин Ф.* Усть-Ницынская слобода, Тюменского уезда, Тобольской губернии. // ЖС, 1898, вып. 2. С. 143. (*Зеленин Д.* Описание рукописей ученого архива ИРГО. – Вып. I. – Пг., 1914. – С. 95. Астраханская губ., Пермская губ. – платки синие набойчатые или белые холстины, в праздники – белые миткальные платки. Там же: вып. III, 1916 г. С. 1004).